

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.09

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ИЛИ ГОСУДАРСТВО НАРОДОВ?

К.С. Гаджиев

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, сектор теории политики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва. Для связи с автором: zuhrabvi@yandex.ru

Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? – Polis. Политические исследования. 2018. № 3. С. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.09>

Статья поступила в редакцию: 12.12.2017. Принята к публикации: 14.02.2018

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые ключевые, на взгляд автора, факторы, определяющие состояние и перспективы формирования и институционализации национальной идентичности России. Квинтэссенция ее содержания выражена в самом названии, которое предполагает поиск ответа на вопрос, является ли Российская Федерация национальным государством или государством народов. Главное внимание концентрируется на факторах, обуславливающих фрагментацию национальной идентичности России, сталкивающейся с множеством трудностей. В их числе различия в традициях, культуре, укладах жизни народов, в природных условиях и исторических скоростях развития отдельных регионов – субъектов Федерации. В статье проанализированы различия между двумя основными типами национализма – гражданско-политического, имеющего тесные коннотации с институтом и культурой гражданства, идей нации и национального суверенитета, и так называемого примордиалистского, исходящего преимущественно или исключительно из этнических оснований нации и национальной идентичности. Показана несостоятельность примордиалистского типа, обоснован тезис, согласно которому российская нация и, соответственно, российская национальная идентичность формируется в процессе своего рода переплавки множества составляющих население страны этносов в единое органическое целое. Для раскрытия системных и структурных составляющих национальной идентичности России значительное внимание уделено фактору ее амбивалентности, суть которой состоит в том, что представители подавляющего большинства, если не всех народов России осознают свою идентичность одновременно и как представители соответствующих этносов, и как граждане Российской Федерации. Показана незавершенность процесса формирования чувства социокультурной, политико-культурной, национальной консолидации российского согражданства и, соответственно, российской национальной гражданской или политической идентичности. Приводятся аргументы, призванные определить иерархию идентичностей, основываясь на верховенстве общероссийской идентичности по отношению к этнической. Обращается внимание на факт дуалистичности феномена нации, формирующейся как снизу по воле народов, так и сверху под руководством государства. В этом контексте обоснована мысль о решающей роли федерального центра в трансформации множества составляющих народов в единую российскую полиэтничную нацию.

Ключевые слова: Российская Федерация; политика; республика; государство; конституция; нация; власть; народ; этнос; идентичность; язык; культура.

Написание данной статьи стимулировано размышлениями автора над положением, сформулированным в Преамбуле и п. 1 ст. 3 Конституции

Российской Федерации¹. Так, в Преамбуле читаем: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации... принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ”. П. 1 ст. 3 гласит: “Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ”. Данное определение представляется спорным (если не ошибочным), поскольку в действительности в современной науке и реальной жизни речь идет не о народном, а о национальном государстве и, соответственно, следует говорить не о “многонациональном народе”, а о единой российской “полиэтнической нации”.

Разумеется, проблемам нации и национальной идентичности как в отечественной, так и в зарубежной науке посвящено множество трудов. Одно только их перечисление заняло бы, возможно, добрую половину ограниченной по своему объему статьи. Поэтому, при всем глубоком уважении к авторам этих работ, считаю целесообразным ограничиться упоминанием лишь некоторых из их множества, появившихся в последние годы и так или иначе непосредственно касающихся темы данной статьи².

Сознавая сложность, значимость и очевидные трудности, возникающие при анализе этого комплекса проблем, в статье ставится весьма скромная цель. А именно, выявить и проанализировать некоторые ключевые, на взгляд автора, факторы формирования национальной идентичности России с точки зрения выяснения вопроса о том, является ли Российская Федерация национальным государством или государством входящих в ее состав народов в их совокупности. Во всяком случае, этот вопрос заслуживает внимания и дискуссии. Предваряя вытекающие из данной работы выводы, считаю уместным констатировать, что главная задача, стоящая перед Россией в настоящее время и в обозримой перспективе, состоит в том, чтобы обеспечить благоприятные условия именно для этой своего рода переплавки множества крупных и малых народов или этносов в единую российскую нацию, но отнюдь не наоборот, множества наций – в единый народ.

ЭНДОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФРАГМЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Распад СССР и вызванный им тотальный кризис, несомненно, нанесли мощный удар по самой российской государственности. Единая территория многовековой державы оказалась как бы разорванной на множество фраг-

¹ См. <http://www.constitution.ru>

² В их числе, на мой взгляд, следует отметить прежде всего ряд трудов, подготовленных на базе Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС РАН) [Информационно-аналитический доклад... 2017], а также Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН) [Идентичность как предмет... 2011; Политическая идентичность... 2011; 2012; Семенов 2016; Семенов, Лапкин, Бардин, Пантин 2017]. Особое место занимает фундаментальный труд “Идентичность: личность, общество, политика”, подготовленный сотрудниками ИМЭМО РАН с привлечением известных ученых академических институтов и университетских центров России, таких как Институт социологии, Институт философии, Институт этнологии и антропологии, Институт географии, Институт научной информации по общественным наукам, Институт Дальнего Востока, Институт Африки РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО (У) МИД России, Санкт-Петербургский университет, Казанский государственный энергетический университет, Северо-Кавказский федеральный университет и др. [Идентичность... 2017]. В нем предпринята попытка охвата весьма широкого круга проблем от теоретико-методологических оснований феномена идентичности до концептуализации и всестороннего анализа ее важнейших составляющих, таких как социокультурная, цивилизационная, этническая, национальная, индивидуальная, групповая и иных – как в исторической ретроспективе, так и в современном мире.

ментов, причем не только по линиям государственных границ, но и на этнонациональные, региональные, конфессиональные и иные составляющие. Более того, в условиях, когда вслед за распадом СССР сама Россия также столкнулась с реальной угрозой балканизации, сохранение территориальной целостности превратилось в одну из ключевых проблем, от решения которых зависят перспективы самой российской государственности. Иначе говоря, лишившись имперского и коммунистического идеалов, Россия как бы утратила и саму национальную идентичность, которая распалась на множество локальных, региональных, этнических, конфессиональных и иных идентичностей. “Кризис российской идентичности”, “фрагментация идентичности”, “Россия в поисках идентичности” – эти и подобные им оценки стали общим местом в современной научной и тем более публицистической литературе.

В результате Россия оказалась перед необходимостью переоценки ценностей, определения своей национальной идентичности, своего национально-государственного проекта, потребностью заново сформулировать свои стратегические цели и приоритеты, адекватные новым реальностям. Сама действительность императивно требует ответы на вопросы: “кто мы?” и “куда мы идем?”. Можно утверждать, что с этой точки зрения значимость проблемы идентичности для России сегодня чрезвычайно велика и возможно не уступает значимости сугубо экономических проблем.

За многовековую историю в состав России вошло множество народов, живших в разных природно-климатических и социокультурных условиях, достигших разных уровней развития – от родоплеменного строя до современных форм социальной и политической самоорганизации. Соответственно, в формирование национальной идентичности России внесли свою лепту различные этнонациональные, конфессиональные, социокультурные сообщества, каждое из которых принесло с собой свой специфический национально-исторический опыт, свои ценности, традиции, менталитет, приверженности, правила и нормы поведения, предрассудки и т.д. Поэтому естественно, что сложная, многоплановая, противоречивая социокультурная и политико-культурная матрица России включает множество пластов. В ее строении можно обнаружить, во-первых, многослойность: органическое сочетание элементов традиционно российских (этатизм, авторитаризм, персонификация власти, анархизм, коллективизм, солидаризм, нигилизм и др.), советских (идеализм, вождизм, коммунистическая эсхатология, уравнительство и т.д.) и демократических (индивидуализм, права и свободы человека, ориентация на успех, конкуренция, рынок и демократия). Во-вторых, это фрагментарность: сочетание множества этнонациональных, региональных, конфессиональных и иных сообществ. В-третьих, размытость, неструктурированность консенсуса по базовым ценностям и принципам государственного устройства, разломы по линиям общество и власть, народ и интеллигенция, прошлое, настоящее и будущее и т.д. В-четвертых, антиномичность: этатизм – анархизм, коллективизм – персонификация, консерватизм – радикализм, национализм – интернационализм, прерывность – преемственность и др.

Своеобразие России по сравнению с Западной Европой и США состоит в том, что на протяжении многих веков основой ее политической системы служила самодержавная государственная власть, которая являлась базовой конструкцией, обеспечившей ее органическую целостность. Государство выступало как носитель наиболее универсального принципа, позволявшего превратить разноликий конгломерат регионов и народов, культур и религий в единое поли-

тическое, административное, социокультурное, хозяйственно-экономическое пространство. Развитие общества шло под знаком определяющей роли государства. В результате сама национальная идентичность России оказалась теснейшим образом связанной с авторитарным государством. Как писал известный историк Г. Вернадский, автократия и крепостничество представляли собой ту цену, которую русский народ вынужден был платить за свое национальное самосохранение. Это обусловило свойственный русскому человеку высокий по сравнению с европейцем и американцем уровень ожиданий от государства.

В то же время в силу названных и целого комплекса иных связанных с ними факторов другая особенность Российской Федерации состоит в ее асимметричности. Она проявляется в весьма существенных различиях между субъектами Федерации по размерам территории, численности и плотности населения, национальному составу, уровню социального, экономического, культурного развития и т.д. Об этих различиях свидетельствуют, например, сами их названия. К примеру, в США, Бразилии, Мексике и ряде других федеративных государств субъекты федерации называются одинаково: штатами в США, землями – в Германии и Австрии, провинциями – в Канаде и т.д. Напротив, Российская Федерация в силу комплекса факторов – это сложносоставное государство, включающее, согласно ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 65 Конституции РФ, шесть разновидностей субъектов Федерации: края, области, города федерального значения, национальные республики, автономные округа и автономную область. Такое положение Российская Федерация унаследовала от СССР, который включал 15 союзных и 20 автономных республик, 6 краев, 114 областей, 8 автономных областей и 6 автономных округов. При всем том существовала, или, во всяком случае, считалось что существовала, единая советская идентичность, что в глазах людей легитимировалось феноменом так называемой новой исторической общности – советского народа.

Поэтому естественно, что Россия сталкивается с множеством трудностей, связанных с различиями в традициях, укладах жизни, культурах, природных условиях, исторической разностью скоростей развития отдельных регионов, субъектов, республик, народов. Особо важное значение с данной точки зрения имеет то обстоятельство, что с разворачиванием в стране процессов перестройки и, особенно, с распадом СССР наметилась тенденция к политизации этнонациональных отношений, или иначе говоря, этническая самоидентификация многих народов Российской Федерации приобрела более или менее выраженный политический характер. На рубеже 1980-х-1990-х годов в условиях фактической дискредитации базовых основ советской национальной политики в каждой из национальных республик на поверхность вышло множество дремавших в советский период противоречий и конфликтов, в основе которых лежал, прежде всего, этно-территориальный фактор. Серьезным информационно-идеологическим, социокультурным, морально-психологическим, политическим препятствием на пути решения стоящих перед страной в целом, так и отдельными ее регионами проблем стал рост национал-шовинистских настроений среди некоторых слоев населения и общественно-политических сил.

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Здесь уместно провести различие между гражданско-политическим национализмом, который имеет более или менее существенные коннотации

с институтом и культурой гражданства конкретного государства, и его версией, базирующейся на трактовке понятий “этнос” и “нация” в духе примордиализма (от *primordial* – изначальный, первозданный). Как известно, приверженцы примордиализма при определении нации ключевое значение придают этническому началу, выстраивая нацию на основе происхождения, крови, единых, присущих только ей, культуре, языке, традициях, обычаях, стереотипах поведения и т.д. По их мнению, этнос несет в себе биологическую энергию и подчиняется иным законам, нежели большинство других социальных феноменов. Они рассматривают этнизм в качестве главного критерия для определения “своих” и “чужих”, “союзников” и “противников”, “друзей” и “врагов”. Именно на основе такого понимания нации формируются различные варианты радикального этнонационализма или политизированного этнизма. С сожалением приходится признать, что этот и подобные им подходы в понимании нации пользуются популярностью среди определенной части интеллигенции в новых постсоветских государствах и национальных республиках Российской Федерации. Такой подход притягателен и для определенной части русской интеллигенции, исповедующей установку радикального этнонационализма. Как представляется, здесь корректнее было бы говорить скорее об этносе и этнизме, нежели о нации и национализме в собственном смысле этих слов.

Определения нации, основанные на признании этнического происхождения в качестве ключевого критерия, не были правомерны применительно к периоду появления современных наций и национальных государств. Тем более они не правомерны в наши дни, когда происходят процессы широкомасштабных перемещений людей и смешений народов. Стоит отметить правоту П. Сорокина, обосновывавшего несостоятельность теорий чистых рас, какой бы то ни было особой немецкой или английской крови, писал: “В наше время чистота крови сохраняется только на конских заводах, выводящих ‘чистокровных’ жеребцов, да в хлевах йоркширских свиней... В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен...” [Сорокин 1992: 245]. И добавлял, ссылаясь на Ж. Фино, что, например, кровь французской нации составлена “из крови аквитанцев, силуров, иберийцев, басков, васконов, светов, либийцев, сардонов, битуринов, вандалов, венецов, гельветов, поляков, вендов, кимвров, вестготов, алеманов, франков, евреев, сарацинов, этрусков, белгов, пеласгов, аваров и т.д.” [там же]. От многих из этих этнических групп, не без оснований констатировал Сорокин, сохранились лишь исторические названия.

Пушкин и Лермонтов, Беринг и Беллинсгаузен, Пастернак и Левитан, Багратион и многие другие – русские, но не у каждого из них в жилах текла “русская кровь”. Впрочем, предками Рюриковичей, которых вряд ли у кого повернется язык обвинить в нерусскости, были этнические норманны, в крови Романовых к 300-летию династии сохранилось совсем немного “чисто русской крови”, а у Екатерины Великой ее не было ни капли.

Любой национализм, основанный исключительно на этнизме, рассматриваемом в качестве главного критерия национальной идентичности, деструктивен с точки зрения жизнеспособности, единства и перспектив российской государственности. Такая версия национализма противоречит самой сути русской идеи, в инфраструктуре которой центральное место занимает мысль об объединении в органическое целое на началах интеграции разных народов,

культур, традиций. Для России по определению подходит политико-гражданский тип нации, который имеет то преимущество, что для жизнеспособности и эффективного функционирования современного общества требуются единые для всех граждан нормативно-правовые принципы, единство экономического, информационного, культурного, языкового и иных пространств. Подлинную национальную идею нельзя смешивать с ее национал-шовинистической, великодержавной профанацией. Она утверждается и легитимирует себя не через отрицание или развенчание культур или идеалов других народов, а через устремленность на созидание, творческое освоение всего жизнеспособного и позитивного из наследия этих народов.

Поэтому не случайно в XIX в. получила большую популярность идея об “универсальном” характере русского народа, оказавшая заметное влияние на последующие дискуссии по данному вопросу. Впервые выдвинутая славянофилами первой волны, она получила дальнейшее развитие и конкретизацию у Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и др., которые говорили о всечеловечности и универсальности русской культуры. В своем знаменитом очерке о Пушкине Достоевский писал: “Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?.. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное...” [Достоевский 1995: 438-439]. С этих позиций и Н.А. Бердяев совершенно справедливо подчеркивал, что “всечеловеческий и щедрый дух русского народа победит дух провинциальной исключительности и самоутверждения” [Бердяев 1990: 111].

Интерес представляют рассуждения бывшего народника, позднее раскаявшегося и ставшего редактором “Московских ведомостей” и автором фундаментального труда “Монархическая государственность”, Л.А. Тихомирова. Он в частности писал: “человек нерусского племени нередко может быть скорее назван русским, чем иной потомок московских бояр или даже Рюриковичей (которые, впрочем, и сами, по летописи, были нерусскими)”. И резюмировал: “нет ни единого крупного деятеля русской мысли или государственности, который бы не свидетельствовал и в самом себе, и в своем слове о том, что русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом... Если Россия откажется работать на пользу всеобщую, она теряет все свои права мировой нации” [Тихомиров 1911].

Суть российской идеи – это полиэтничность, органическое соединение различных народов, культур, традиций, языков, конфессий. Полиэтническое государство немыслимо без национальной терпимости. В России борьба с радикальным национализмом, будь то великорусского или местническо-этнического, – это борьба за целостность государства. Невозможно строить и сохранить империю, пропагандируя неприязнь к ее подданным, которые в подавляющем своем большинстве в самые поворотные периоды истории продемонстрировали свою преданность ей.

Большинство современных наций сформировалось вокруг какого-либо одного доминирующего этноса. В той же мере как Франция, Германия, Великобритания и множество других национальных государств строились на

основе соответствующих культур и языков, Россия складывалась на основе доминирования русской культуры и языка. Государство Российское служило своего рода полем притяжения для многих народов, принадлежащих к разным культурным мирам, став своеобразным средоточием процессов социальной и политической самоорганизации сверхсложного по своим национальным, социальным и культурным компонентам сообщества.

В отечественном научном, публицистическом и журналистском пространствах сложились превратные представления о национализме, нередко с отрицательными коннотациями. В некоторых кругах само слово “патриотизм”, отождествляемое с национализмом, стало чуть ли не ругательным, особенно в сочетании с “последним прибежищем негодяя”. Однако, как показывает опыт истории, национализм может служить, с одной стороны, фактором мобилизации народов на борьбу за свое освобождение, творческого порыва, обеспечения жизнеспособности и дальнейшего продвижения общества на путях прогресса и благосостояния и т.д. С другой стороны, он может служить катализатором разного рода конфликтов, холодных и горячих войн, различных радикальных, экстремистских, сепаратистских и иных движений, подрывающих социальную и политическую стабильность в обществе, основы существующих общественно-политических институтов и самой государственности, способных подготовить условия для прихода к власти авторитарных и тоталитарных режимов.

На первый взгляд парадоксально может звучать утверждение, что национализм при всей своей кажущейся обращенности в прошлое, к истории, традициям, мифам и т.д., является ровесником и близнецом модернизации и теснейшим образом связан с промышленной революцией, урбанизацией, становлением гражданского общества и современного национального государства. Хотя некоторые авторы и говорят, что нация представляет собой феномен, старый как сам мир, национально-государственное строительство началось с Реформации. В современном понимании сами понятия нации, национализма, национального государства, национальной идеи сложились только в XVIII-XIX вв. Национальное государство в строгом смысле слова лишь в течение последних приблизительно 200 лет стало одной из форм политической самоорганизации народов. Германия и Италия, какими мы их знаем сегодня, вышли на общественно-политическую авансцену лишь во второй половине XIX в. В XX в. национализм приобрел универсальный характер и стал использоваться как идеология национального государства. Прав Э. Геллнер, утверждавший, что национализм – это “не пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы..., он является следствием новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством” [Геллнер 1991: 112].

Поэтому представляется не совсем корректным рассматривать национализм через призму истории, как некий реликт прошлого, несовместимый с настоящим, тем более с будущим. В действительности мы имеем дело с совершенно новыми явлениями, порожденными именно современными реалиями, хотя к ним и применяются названия, ярлыки и стереотипы, заимствованные из прошлого.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в России, да и за рубежом определенной популярностью пользуются идеи авторов, которые вообще ставят под сомнение сам факт существования наций как реальных фе-

номенов внутригосударственной жизни. К примеру, известный отечественный ученый В.П. Тишков, который внес большой позитивный вклад в развитие советской / российской этнологии, указывает, что “длительные трудности с определением понятия ‘нация’ связаны не со сложностью определяемой материи, а с эпистемологически неверной посылкой придать значимость объективной категории по сути пустому, но ставшему эмоционально влиятельным словом, за исключительное обладание которым состязаются две формы социальной группировки людей – государства и этнокультурные общности” [Тишков 1997: 83]. И делает вывод: “По моему убеждению, нация – это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки. В этнокультурном смысле категориальность понятия нация утратила в современном мире всякое значение и стала фактически синонимом этнической группы” [там же]. Все эти суждения были обоснованием тезиса о том, что “выход из теоретического тупика – в отказе от термина ‘нация’ в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, то есть нация – это совокупность граждан одного государства”; при этом для наименования входящих в государство сообществ остаются понятия национальностей и народов [там же: 10].

Такая позиция вызвала буквально шквал критики в отечественной политической науке, социологии и этнологии. В.А. Тишков как один из наиболее компетентных ученых в этой сфере не мог не внести определенные, зачастую серьезные коррективы в свою идею нации и национального государства. В одной из своих недавних статей он соглашается, что в результате общественно исторического развития “появились самые мощные и широкие социальные группировки людей, которые сначала в Европе, а затем и в остальном мире получили название ‘нация’”. Они представляли собой “сообщества (согражданства), находящиеся под одной суверенной властью”, властью, сегодня связываемой с нацией-государством или национальным государством [Тишков 2017].

Впрочем, в плане замысла и предназначения этой статьи данные рассуждения не имеют особого значения, поскольку она посвящена выяснению правомерности именно вышеприведенного положения Преамбулы и ст. 3 Конституции РФ. В этом контексте считаю уместным привести предлагаемое Тишковым решение данной проблемы. Так, критически и справедливо оценивая “исключительно этническую интерпретацию категории ‘нация’”, Тишков соглашается с возможностью пересмотра или переосмысления юристами “таких основных документов, как Конституция, которая начинается словами: ‘Мы – многонациональный народ’”. Однако не может не вызвать некоторое недоумение вывод автора, по мнению которого “формула ‘нация наций’ освобождает от ревизии текста Основного закона”. Развивая дальше свою мысль, он пишет: “Предлагаемое нами правовое признание и уже реально существующее в России двойственное и не исключающее друг друга понимание нации открывает возможность определения российского народа как нации наций” [там же]. Получается весьма странная, на мой взгляд, формула: российский народ – это “нация наций”. Как представляется, такое определение в еще большей степени, чем определение “многонациональный народ” отделяет нас от ответа на вопрос о корректности или некорректности поставленной в начале данной статьи формулы.

Нация и этнос являются одной из важнейших традиционных опор, на которых базируется личность, тем зеркалом, через которое индивид сознает себя как члена общества и приобретает чувство самости. Национальность, чувство национальной принадлежности, национальное самосознание и, соответственно, нацию нельзя свести к какому-то одному-единственному – политическому, этническому, культурному или иному – измерению. В производном от них понятии “национализм”, наряду с сугубо рациональным, научным, концептуальным... присутствует значительный пласт традиционного, ценностного, иррационального, символического, мифологического. Здесь этническому компоненту, при всех возможных оговорках, должно быть отведено соответствующее место. Чувство принадлежности к собственному сообществу придает смысл и значимость самой жизни, укрепляет чувство взаимной ответственности и сопричастности, уменьшая тем самым чувства одиночества и отчуждения. Оно органически соединяет индивидуальные социокультурные приверженности людей с государством, которое способно действовать, в том числе и в плане защиты и гарантии сохранения национально-культурной идентичности народа.

Такое понимание национализма коррелируется с идеей нации и, соответственно, национального государства со всеми ее ценностями, установками и т.д. А в сфере внешнеполитических отношений – с национальным суверенитетом в его внешнем проявлении.

НА ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Если этническая идентичность строится на “мы”, или “наши”, отождествляемых исключительно со “своим” этносом, а “не мы” или “чужаки” – со всеми остальными, и на таком разделении строятся соответствующие идентичности, то можно предположить, что у нас в стране множество наций и, соответственно, множество национальных идентичностей – русская, татарская, башкирская, бурятская, лезгинская и др., при определенной трактовке могут противоречить друг другу и становиться взаимоисключающими. Вместе с тем, в идентичности россиян присутствует значительный элемент амбивалентности, поскольку представители подавляющего большинства, если не всех народов России, осознают свою идентичность не на основе одного лишь критерия этнической принадлежности.

К примеру, у народов Северного Кавказа, возможно, и у народов национальных республик других регионов, обнаруживаются несколько уровней идентичности: этнический, республиканский и общероссийский – гражданский или политический. Под *этнической идентичностью* понимается осознание человеком своей принадлежности к определенному этносу, скажем, аварцам, лезгинам, татарам, башкирам и т.д. Ее составляющие для данного этноса – это язык, территория, мифы, легенды, предания, культура, традиции, обычаи, святыни, герои, мученики, стереотипы поведения и т.д. Вместе с тем, в силу целого комплекса известных факторов формируется второй более высокий – республиканский уровень идентичности представителей народов соответствующей республики, воспринимаемой как единое социокультурное, политико-культурное, экономическое пространство.

Ключевое значение с рассматриваемой точки зрения имеет третий, высший уровень общероссийской идентичности. Как отмечается в Информационно-аналитическом докладе “Российское общество в 2017-ом: социальное самочув-

ствие, тревоги, надежды на будущее” Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИС РАН), в формировании национальной идентичности народов России этничность сохраняет значимость, но “занимает уже не приоритетное положение в иерархии макро-идентичностей и непротиворечиво соединяется с российской идентичностью как чувством общности со всем многонациональным российским народом”. И “хотя потребность в принадлежности к своей этнической общности достаточно высока, но лишь 18% россиян чувствуют себя только человеком своей национальности. Подавляющее большинство ориентируются на российскую макро-идентичность, ощущая себя преимущественно россиянином..., а также одновременно и россиянином и человеком своей национальности...” [Российское общество... 2017: 64].

При этом понятие “россияне” не сводится только лишь к формально зафиксированному статусу российского гражданства. Оно включает в себя исторический, социокультурный, политико-культурный опыт совместной жизни народов России, их сформировавшейся языковой и культурной общности. На институциональном уровне идентификация в качестве россиян всех граждан России, независимо от их этнической принадлежности, закреплена на уровне Конституции и не подлежит сомнению (речь идет о гражданской или политической идентичности). Между тем, самоидентификация конкретной личности по линии “я – россиянин” не всегда однозначна и, в зависимости от ее социально-демографических характеристик, политических пристрастий и культурной ориентации, социально-профессиональной принадлежности, места проживания, позитивного или негативного опыта межэтнического общения и т.д., может содержать в смысловых, эмоционально-психологических нюансах достаточно заметные отличия.

При всех возможных в этом вопросе оговорках в России актуальна формула “единство в многообразии” и “многообразии в единстве”. Идентичность гражданской или политической нации предполагает наличие символических, социально сконструированных значений, смыслов, разделяемых обществом в целом, а не каким-либо отдельно взятым этническим или иным сообществом. Будучи представителями того или иного российского этноса, мы одновременно являемся гражданами Российской Федерации. Традиционно в России бок о бок сосуществуют по сути дела противоречащие друг другу этническое и надэтническое начала в трактовке российской идентичности. Иными словами, существует очевидное противоречие, например, между понятиями русская идентичность и российская идентичность, татарская идентичность и российская идентичность (впрочем, равно как и у других этносов). Если русская идентичность как таковая имеет этническую коннотацию, то российская же идентичность основана на надэтнических началах, где русским как главному государствообразующему народу принадлежит ключевая роль. В то же время не сложились, во всяком случае, в сколько-нибудь внешне осязаемой форме, те критерии, которые позволили бы вычленить категории “мы – они”, “наши – чужие”, “друзья – враги”, отличить их друг от друга, или противопоставить их друг другу.

С сожалением приходится констатировать факт незавершенности процесса формирования чувства социокультурной, политико-культурной, национальной консолидации российского согражданства и, соответственно, российской национальной гражданской или политической идентичности. Речь идет о переплавке множества составляющих населения страны этносов, независимо от их исторических, традиционных, конфессиональных, культурных, языковых и иных особенностей.

Разумеется, было бы не совсем корректно утверждать, что в России нет межэтнических, межкультурных, межконфессиональных и иных связанных с ними и порожденных ими проблем. При всем том, в условиях совместной жизни в течение многих поколений в составе единого государства сначала Российской империи, а затем СССР почти все аспекты и стороны жизни подавляющего большинства народов России подверглись глубокой трансформации на путях секуляризации и модернизации.

Что касается современного положения, то глобализация и информационно-телекоммуникационная революция беспрецедентно усиливают процессы миграций, смешения народов, унификации, универсализации важнейших сфер общественной жизни, в свою очередь, ведущих к нивелировке, размыванию, стиранию системных и структурных составляющих социокультурной идентичности национальных меньшинств и в особенности коренных малочисленных народов. В этих условиях во всем мировом сообществе применительно к национальным меньшинствам доминирует тенденция к ассимиляции. На Северном Кавказе малочисленные народы подвергаются двойной ассимиляции: с одной стороны, в отношении к ведущему этносу в языковой группе (аварскому, лезгинскому, адыгскому и др.) и, с другой стороны, к России в целом. Здесь важно учесть, что представители малочисленных народов, например, агулцы, рутульцы, цахуры и др. через лезгинский язык, дидойцы, андийцы, ахвахцы, бежтинцы, каратинцы, ботлихцы и др. через аварский язык получают возможность культурной и политической социализации на общереспубликанском, региональном и общенациональном уровнях.

Всевозрастающее число представителей молодежи народов Северного Кавказа выезжает за пределы своих республик в поисках работы в другие, прежде всего, русские субъекты Федерации. Они, как правило, расселяются дисперсно, что, в свою очередь, ведет к существенному ослаблению, а то и к прекращению связей между представителями соответствующих этносов. Соответственно, сужается пространство и возможности применения родных языков. При таком положении вещей возрастает значение проблемы сохранения этнокультурной идентичности, языка, культуры национальных меньшинств. Не выдерживая мощные волны глобализации и информатизации, перестают существовать чисто этнические культуры и чисто этнические идентичности. Более того, встал вопрос об их физическом выживании, поскольку неумолимо ускоряются тенденции к их ассимиляции. С этой точки зрения интерес представляют данные исследования, проведенного ЮНЕСКО и Росстатом в 2012 г., согласно которым более 40 этносов России стоят перед угрозой исчезновения, а семь языков потеряны безвозвратно. По данным, которые приводятся в словаре-справочнике “Языки народов России. Красная книга”, в группу исчезающих включены языки 20 этносов нахско-дагестанской группы: агульский, андийский, арчинский, ахвахский, бежтинский и др., а также два языка абхазо-адыгской группы – абазинский и шапсугский [Языки народов... 2002: 10]. Особый интерес представляют данные, согласно которым, несмотря на заметный рост в постсоветский период числа учеников, изучающих адыгейский язык, большинство учащихся из адыгейских семей в школе в Майкопе общаются между собой на русском языке. Причем в школе на родном языке говорят всего лишь 1% адыгейцев, а 32% на адыгейском языке “вообще не говорят” и 25% – “говорят с большим трудом” [Гусман б.г.].

Подобных примеров, касательно всех национальных меньшинств, можно привести множество. Такая тенденция особенно отчетливо проявляется среди городского населения. При таком положении вещей уже нынешнее подрастающее поколение в значительной степени теряет способность или даже желание использовать родной язык, культуру и иные атрибуты, определяющие национальную идентичность, а в будущем — транслировать их своим детям. Приходится констатировать, что именно такова ситуация с большинством национальных меньшинств национальных республик Северного Кавказа. И как это ни парадоксально выглядит, оборотной стороной глобализации и информатизации являются фрагментация, возрождение локализма, этнизма, религиозных верований, рост интереса у определенной части населения к культурам, языкам, социокультурной идентичности национальных меньшинств. Очевидно, что, по крайней мере, в обозримой перспективе не может идти речь о каком бы то ни было растворении этнической составляющей российских народов и переходе к, так сказать, кристально чистой “русскости”.

С учетом этих реалий в России необходимо, как справедливо отмечал В. Мартьянов, неукоснительно поддерживать иерархию идентичностей, в которой “по определению, на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, являющаяся приоритетной перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической” [Мартьянов 2006: 103; см. также: Мартьянов 2017: 399-404]. Значимость такой постановки вопроса особенно очевидна с учетом того, что у российских народов значительно больше объединяющих, нежели разъединяющих начал и интересов. Поэтому главная задача, стоящая перед всеми народами, институтами гражданского общества, органами государственной власти, политическими партиями, одним словом, перед всем обществом — формирование общероссийской гражданской политической идентичности. В этом вопросе нельзя не согласиться с Мартьяновым, по мнению которого в настоящее время Россия нуждается, прежде всего, в “гражданской национализации государства”, “в деполитизации и ‘разгосударствлении’ этнической идентичности путем ее отнесения к ‘культурному, языковому, историческому и прочим внеполитическим пространствам..., выведения этнического за пределы политического и правового пространств”, поскольку “этнизация политики и права провоцирует реальные политико-правовые конфликты, так как этнонационализм как теоретический язык политики априори конфликтен с реальностью современных наций-государств” [Мартьянов 2006: 103]. Поэтому этническая и религиозная принадлежность, равно как создание разного рода общественных организаций по этническим, конфессиональным и иным признакам должно стать не политическим, а общественным делом граждан. Гражданская или политическая идентичность может быть связана только с нацией-государством и с комплексом общенациональных идеалов, символов, мифов, единой социокультурной и политико-культурной системой, если хотите — с общенациональной миссией.

Если согласиться с такой трактовкой, то нация — это совокупность всех граждан, независимо от этнической, конфессиональной, социальной и иной принадлежности. В этом плане необходимо осознать, что Россия не есть некий искусственно собранный аморфный конгломерат территорий, регионов, народов, этносов, культур, языков и т.д. Она является единым нерасчленимым организмом, сформировавшимся в течение нескольких веков и не подлежащим искусственному расчленению.

Нельзя не признать тот факт, что почти все аспекты и стороны жизни подавляющего большинства народов России к настоящему времени подверглись глубокой трансформации на путях секуляризации и модернизации. Они глубоко затронули не только социальные, экономические и политические структуры, но и сам образ жизни, систему ценностей, ориентаций и установок, подорвали или совсем разрушили традиционные институты регулирования повседневной жизни людей. К началу XXI в. многосторонние связи, интегрально пронизывающие экономические, культурные, образовательные, духовные, политические и иные реальности, стали фактом жизни всех без исключения республик и регионов России, необходимым фактором их существования, который не может быть ни отменен, ни проигнорирован, не задевая и не подрывая жизненных интересов всех населяющих ее народов.

Русская культура, русский язык, через которые многие российские народы вошли в мировую цивилизацию, в тандеме являются ключевым стержнем, скрепляющим их в единое целое. В.С. Соловьев не без оснований подчеркивал, что все хорошее в России основано на забвении национального эгоизма. Это, говорил он, “и русское государство, зачатое варягами и оплодотворенное татарами, и русское благочестие, воспринятое от греков, и заимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы”. В данном контексте Ч. Айтматов, Ф. Искандер, Р. Гамзатов, Б. Окуджава, М. Магомаев, З. Соткилава, В. Гergieв и множество других писателей, поэтов, художников, артистов в той же степени явления общероссийской культуры, в какой и М. Шолохов, В. Астафьев, А. Герман, Е. Евтушенко, И. Глазунов, Д. Хворостовский и др.

Для подавляющего большинства народов страны русский язык значит не просто язык межнационального общения. Языковая интернационализация здесь достигла беспрецедентно высокого уровня. Для большинства городских жителей почти всех народов или этносов России он стал вторым родным, а для многих и единственным родным языком (независимо от того, какая в этой сфере проводилась политика)³. Русский язык, общероссийская культура были и остаются для этих народов и средством, и воротами, и инфраструктурой как для саморазвития, так и для вхождения, интегрирования в мировую цивилизацию, мировую культуру. Более того, без русского языка невозможно представить ни одну более или менее важную сферу жизни почти всех народов страны, для которых он стал по сути дела одним из важнейших несущих конструкций самого образа жизни. К примеру, трудно себе представить формы и пути перестройки, например, системы образования, начиная со средней школы и выше, науки на сугубо национальных началах и на основе национальных языков (если вообще теоретически допустить такую постановку вопроса) вне единой общероссийской системы образования и науки. Более того, подобные попытки имели бы катастрофические последствия для этих сфер всех без исключения народов.

Существует целый комплекс фундаментальных, основополагающих интересов и факторов, в равной степени затрагивающих все народы и автономии, объединяющих их в целостное сообщество, по сравнению с которыми все разногласия, противоречия, конфликты можно считать второстепенными. “Россияне” — это, в сущности, собирательное название всех народов Российской Федерации вне зависимости от их этнической, расовой и конфессиональной

³ В этом плане интерес представляет ситуация в США, где в отношении языка этнических групп, у которых английский — не родной, употребляется термин *first language*.

принадлежности. Это значит, что в Государстве Российском в сугубо политико-правовом смысле нет русских граждан (конкретных Иванова, Петрова, Сидорова), татарских (конкретных Нурғалиева, Ахметшина, Рахматуллина), северокавказских (конкретных Магомедова, Сердерова, Вагабова), нет лиц “славянской”, “кавказской”, “бурятско-калмыцкой” и т.д. национальности, а есть равные перед законом граждане Российской Федерации.

В основе любой цивилизации, любой великой мировой державы лежит более или менее четко сформулированный идеал, включающий высший смысл ее существования и предназначение, ее историческую миссию, целевую установку и призванный обеспечить место и статус в мировом сообществе. Он утверждает и легитимирует себя, как уже отмечалось выше, не через отрицание или развенчание культур или идеалов других народов, а через устремленность на созидание, творческое освоение всего жизнеспособного и позитивного из наследия составляющих ее народов. Именно такой идеал дает основу для формирования национальной идентичности, воли к самосохранению и поискам адекватных ответов на внешние и внутренние вызовы и угрозы.

Для государства, претендующего на жизнеспособность и историческую перспективу, необходима система координат, предполагающая собственную более или менее внятную точку отсчета. Как говорил Сенека, для корабля, порт назначения которого неизвестен, нет попутного ветра. Это предполагает необходимость формирования и предложения всем народам Федерации единых и понятных смыслов, образов, имиджей, идеалов, которые могут стать основой единой российской национальной идеи и, соответственно, единой национальной идентичности. Именно они могут обеспечить необходимый попутный ветер для экономического, технологического, социального, духовного прогресса России. Уместно напомнить слова О. Бисмарка, который говорил, что битву при Садовой (самое крупное сражение австро-прусской войны, состоявшееся 3 июля 1866 г. и изменившее весь ход войны в пользу Пруссии) выиграл прусский школьный учитель истории.

Известный этнолог Э. Смит наряду с терминами “этнос” и “нация” ввел понятие “потенциальная нация” (*would be nation*), полагая, что именно к этой категории относится большинство современных наций [Smith 1995]. Интерес представляет тот факт, что до сих пор среди исследователей, занимающихся данной проблематикой, нет единого мнения относительно того, что было раньше – национализм, нация или национальное государство. Многие исследователи не без основания отмечают, что не нации создают государства и национализм, а, наоборот, и нация, и национализм создаются государством. Специалисты до сих пор не могут прийти к согласию относительно того, что именно преобладало в процессе объединения, например, Италии – государственное строительство под руководством графа Камилло Бенсо ди Кавура или же становление новой нации, процесс которого возглавили Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди. Что касается Германии, то нельзя не признать, что здесь задолго до объединения существовало сильное национальное движение. Но нельзя не признать и то, что во многом объединенная Германия явилась детищем железного канцлера О. Бисмарка.

Зачастую национализм в значительной степени рождается именно в отношении уже устоявшегося национального государства. Может быть, в этом смысле государство предшествует национализму, а не наоборот, хотя здесь немаловажна роль процессов, происходящих в самом обществе. Во многом прав Э. Хобсбаум, который подчеркивал, что нации представляют собой “дуалистический фено-

мен, создаваемый преимущественно сверху, но который невозможно понять без изучения процессов, шедших снизу, т.е. без чаяний, надежд, потребностей, желаний и интересов простонародья, которые не всегда были национальными, но от этого не становились менее националистическими” [Хобсбаум 1998: 30].

Было бы недопустимым заблуждением утверждение, что нация, как и государство, могут складываться стихийно на основе братства или иного позитивного импульса. Что касается русской нации и Государства Российского, то мало кто может отрицать тот факт, что оно было создано целенаправленными усилиями московских царей, превративших небольшое московское государство в мировую многонациональную империю. Имперский центр, будь то Российская империя или СССР, выступал важнейшим фактором инкорпорирования множества народов, разнообразных региональных и этно-национальных общностей в более широкое социокультурное пространство, в единый государственный организм. Поэтому очевидно, что именно федеральному центру принадлежит ключевая роль в создании условий для формирования (именно *формирования*) единой российской национальной идентичности. Как отмечают авторы статьи “Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве”, важную роль в политике идентичности, включающей “такие ключевые направления, как символическая политика, политика в сфере образования и культуры, политика языка, политика памяти... особенно в глубоко разделенных обществах играют социальная политика и политика в сфере межэтнических отношений... В условиях утверждения новой государственности успешность политики идентичности оказывается значимым фактором государственной состоятельности” [Семененко, Лапкин, Бардин, Пантин 2017: 58]. Для реализации этой цели требуются время, усилия, национальная и политическая воли как руководства государства, так и интеллектуальной, экономической, духовной элиты, а также, естественное желание всех народов и этносов Российской Федерации.

Бердяев Н.А. 1990. *Судьба России*. М.: Советский писатель. 348 с.

Геллнер Э. 1991. *Нация и национализм*. М.: Прогресс. 126 с.

Гусман Т.Р. б.г. Современная глобализация и проблемы малочисленных языков в лингвистике XXI века. — *Pandia*. URL: <http://pandia.ru/text/78/011/3211.php> (проверено 24.03.2018).

Достоевский Ф.М. 1995. Пушкин (очерк). — Достоевский Ф.М. *Собрание сочинений в пятнадцати томах*. Т. 14. СПб.: Наука. С. 425-440.

Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). Редколлегия сб.: И.С. Семененко (отв. ред.), Л.А. Фадеева (отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН. 2011. 299 с.

Идентичность: Личность, общество, политика. Отв. ред. И.С. Семененко. 2017. М.: Весь Мир. 992 с.

Мартьянов В.С. 2006. Строительство политической нации и этнонационализм. — *Логос*. № 2. С. 94-109.

Мартьянов В.С. 2017. Политическая нация. — *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М.: Весь Мир. С. 399-404.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Отв. ред. И.С. Семененко. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. 2011. 208 с.; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. 2012. 471 с. М.: РОССПЭН.

Российское общество в 2017-ом: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее. Информационно-аналитический доклад. М.: ФНИСЦ РАН. 2017. 82 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/rezume_ross_obschestvo_2017.pdf (проверено 24.03.2018).

Семенов И.С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. – *Полис. Политические исследования.* № 4. С. 8-28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. 2017. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. – *Полис. Политические исследования.* № 5. С. 54-78. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>

Сорокин П.А. 1992. *Человек, цивилизация, общество.* М.: Политиздат. 543 с.

Тихомиров Л. 1911. Что значит жить и думать по-русски? – *Московские ведомости.* № 119. URL: <http://apocalypse.orthodoxu.ru/policy/204.htm> (проверено 24.03.2018).

Тишков В.А. 1997. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир. 532 с. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/knigi/ocherki_te.html (проверено 24.03.2018).

Тишков В.А. 2017. Что есть нация. В поисках российской идентичности. – *Независимая газета.* 24.01. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html?id_user=Y (проверено 24.03.2018).

Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 года.* Санкт-Петербург: Алетейя. 119 с.

Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. 2002. М.: Academia. 385 с.

Smith A.D. 1995. Gastronomy or Geology? The Role of Nationalism in the Reconstruction of Nations. – *Nations and Nationalism.* Vol. 1. No. 1. P. 3-23. <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.1995.00003.x>

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.09

145

RUSSIAN FEDERATION: NATIONAL STATE OR THE STATE OF NATIONS?

K.S. Gadzhiev¹

¹*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

GADZHIEV Kamaludin Serazhudinovich, Dr. Sci. (Hist.), principal researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: gajievks@mail.ru

Gadzhiev K.S. Russian Federation: National State or a State of Nations? – *Polis. Political Studies.* 2018. No. 3. P. 130-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.09>

Received: 12.12.2017. Accepted: 14.02.2018

Abstract. The article attempts to identify and analyze the key factors that determine the current state and prospects for the formation and institutionalization of Russia's national identity. The author attempts to answer the question whether the Russian Federation is a national state or a state of nations. The research is focused on the factors that cause the fragmentation of Russia's national identity, which faces numerous challenges related to differences in traditions, lifestyles, cultures, natural conditions, the historical differences in the development rates of individual regions, subjects of the federation, and nations. The author identifies the differences between the two main types of nationalism – civil-political, based on the institution and culture of citizenship, the idea of nation and national sovereignty, and the so-called primordial type, primarily or exclusively based on the ethnic criteria of understanding the nation and national identity. The author substantiates the thesis that the Russian nation and, accordingly, the Russian national identity are formed in the process of “remelting” the multitude of ethnoses in the single organic whole. In order to disclose the systemic and structural components of Russian national identity, considerable attention is paid to the factor of its ambivalence, the essence of which is that representatives of the vast majority, if not all the peoples of Russia, realize their identity simultaneously as representatives of the respective ethnic groups and citizens of the Russian Federation. The author shows

that the process of forming a sense of socio-cultural, political-cultural, national consolidation of Russian citizenship and, accordingly, Russian national, civil or political identity, is still incomplete. The author deploys arguments designed to define the hierarchy of identities, based on the supremacy of all-Russian identity in relation to the ethnic identity, and draws attention to the fact of duality of the phenomenon of nation, formed both from below by the will of peoples, and from above under the leadership of the state. In this context, the article substantiates the idea of the decisive role of the federal center in the transformation of many constituent peoples into a single Russian polyethnic nation.

Keywords: Russian Federation; politics; republic; state; constitution; nation; power; people; ethnos; identity; language; culture.

References

- Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Sovetskii pisatel'. 1990. 348 p. (In Russ.)
- Dostoevskii F.M. Pushkin (ocherk) [Pushkin (essay)]. – Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii v pyatnadsati tomakh. Tom 14* [Dostoevskii F.M. Collected works in 15 volumes. Vol. 14.]. St. Petersburg: Nauka. 1995. P. 425-440. (In Russ.)
- Gellner E. Nation and Nationalism. (Russ. ed.: Gellner E. *Natsiya i natsionalizm*. Moscow: Progress. 1991. 126 p.)
- Gusman T.R. Globalization and Problems of Small-Numbered Languages in the Linguistics of the XXI century. – *Pandia*. (In Russ.) URL: <http://pandia.ru/text/78/011/3211.php> (accessed 24.03.2018)
- Hobsbawm E.J.E. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. (Russ. ed.: Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda*. St. Petersburg: Aletheia. 1998. 119 p.)
- Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii (MEMO RAN, 21 – 22 oktyabrya 2010 g.)*. Redkollegiya sb.: I.S.Semenenko, L.A.Fadeeva, V.V.Lapkin, P.V.Panov [Identity as a Subject of Political Analysis. Volume of conference papers (MEMO, Russian Academy of Sciences, 21-22.10. 2010). Ed. by I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva, V.V. Lapkin, P.V. Panov]. Moscow: IMEMO RAN. 2011. 299 p. (In Russ.)
- Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika*. Otv. red. I.S. Semenenko [Identity: Personality, Society, Politics. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: Ves' Mir Publ. 2017. 992 p. (In Russ.)
- Mart'yanov V.S. Political Nation Building and Ethno-Nationalism. – *Logos*. 2006. No. 2. P. 94-109. (In Russ.)
- Mart'yanov V.S. Politicheskaya natsiya [Mart'yanov V.S. Political Nation]. – *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika*. Otv. red. I.S. Semenenko [Identity: Personality, Society, Politics. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: Ves' Mir. 2017. P. 399-404. (In Russ.)
- Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 tomah*. Otv. red. I.S. Semenenko [Political Identity and Identity Policy. In 2 vol. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: ROSSPEN. Vol. 1. 2011. 208 p.; Vol. 2. 2012. 471 p. (In Russ.)
- Rossiiskoe obshchestvo v 2017-om: sotsial'noe samochuvstvie, trevogi, nadezhdy na budushchee. Informatsionno-analiticheskii doklad* [Russian Society in 2017: Social Well-Being, Anxieties, Hopes for the Future. Information and Analytical Report]. Moscow: Institute of sociology RAS. 2017. 82 p. (In Russ.) URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/rezume_ross_obschestvo_2017.pdf (accessed 24.03.2018)
- Semenenko I.S. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. – *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 8-28 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 5. P. 54-78 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Smith A.D. Gastronomy or Geology? The Role of Nationalism in the Reconstruction of Nations. – *Nations and Nationalism*. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 3-23. <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.1995.00003.x>
- Sorokin P.A. *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Sorokin P.A. Man, Civilization, Society]. Moscow: Politizdat. 1992. 543 p. (In Russ.)
- Tikhomirov L. What Does It Mean to Live and Think in Russian? – *Moskovskie vedomosti*. 1911. No. 119. (In Russ.) URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/policy/204.htm> (accessed 24.03.2018)
- Tishkov V.A. *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the Theory and Policy of Ethnicity in Russia]. Moscow: Russkii Mir. 1997. 532 p. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/knigi/ocherki_te.html (accessed 24.03.2018)
- Tishkov V.A. What is a Nation. In Search of Russian Identity. – *Nezavisimaya gazeta*. 24.01.2017. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html?id_user=Y (accessed 24.03.2018)
- Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [The Red Book of the Languages of Russia: The Encyclopedia]. Moscow: Academia. 2002. 385 p. (In Russ.)